

ПРОФЕССИЯ И СУДЬБА

13 ЯНВАРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Недавно в редакцию зашла девушка с «бегунком» от Центра занятости. Получая его обратно с отметкой, что приема на работу у нас нет, спросила: «А может, у вас скоро освободится место?» «Вы журналист по образованию?» - ответила я вопросом на вопрос. «А что, на журналиста еще и учиться надо?» - искренне изумилась девушка.

Когда она ушла, мы дружно посмеялись, но, между тем, кое в чем девушка была права: среди журналистов, особенно городских и районных газет, можно встретить представителей каких угодно профессий. Они успешно работают и учатся, учатся, учатся. Кстати, это самое «учатся, учатся, учатся» применимо и к тем, кто окончил журфак: хотя бы поверхностно, но журналист должен знать обо всем, иначе он будет неинтересен как собеседник, как личность.

Объединяет всех этих людей подчас разных профессий не умение красиво излагать, а нечто в душе и характере, заставляющее «твое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». Рассказать всем о том, что узнал сам - казалось бы, не так это и трудно. Но мало того, что сколько людей, столько и мнений, еще и господа истина подчас бывает у каждого своя. Отсюда - огромная ответственность при отделении «зерен от плевел», требующая знаний, умения анализировать, смелости.

Когда я просматриваю старые - за 50-60-е годы - подшивки, чувства бывают двойственные. С одной стороны, в те годы до 50 процентов (а то и больше!) материалов были партийно-официальные. Они не требовали от журналиста ни разножанровости, ни собственного мнения, ни выводов. С другой стороны, много было читательских писем с критикой. Люди рассказывали о всевозможных нарушениях, беспорядках и даже, например, жаловались на закройщицу, которая не захотела клиентке шить пальто такого же фасона, как у себя... Сейчас бы обиженная закройщица быстро побегала в суд отстаивать свои права, а журналист оказался бы крайним, потому что доказать, что на самом деле было так, как рассказывала читательница в письме, он бы не смог - рядом не стоял документ. Нет и т.д. Жесткие рамки закона заставляют сегодня журналистов семь раз отмерить, а потом только резать. Это и плохо, потому что иногда опускаются руки от бессилия, но и хорошо, потому что когда-то надо было начинать жить по закону, а некоторые издержки и перегибы со временем уйдут из нашей жизни. Журналистика - она как хождение по канату: любая крайность - что влево, что вправо - приносит

одинаковый результат.

Кстати, история убеждает нас в том, что проблема «золотой середины» существовала всегда, практически с момента появления журналистики. Как-то в течение двух лет в немецких изданиях публиковались совершенно необоснованные нападки на труды М. Ломоносова. Не в его правилах было терпеть незаслуженные обиды, и в 1754 году он опубликовал статью «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии», в которой изложил заповеди для журналистов. Удивляет, что они не потеряли актуальности и по сей день. Вот некоторые из них.

Говоря о свободе философии, Ломоносов пишет, что «злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того, чтобы поставить себе целью строгое и правдивое разыскивание истины».

«Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы люди, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них, как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести настоящую войну».

Журналист «никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений».

Уже эти наши провинности, которые отмечены были в 18 веке и живы до сих пор, убеждают в том, насколько наша профессия особенна.

Яркая и внешне красивая, но требующая огромного напряжения душевных и физических сил, с бессонными ночами и неизменными аврами. Английские психологи, изучив степень стрессовой нагрузки полтора десятка профессий, поставили журналистов на третье место - после шахтеров и полицейских.

И все равно год от года растет конкурс на журфак, зовет молодежь романтика профессии.

Сегодня я поздравляю всех своих коллег по журналистскому цеху с профессиональным праздником и юбилеем. Пусть рука будет твердой, ум ясным, а сердце щедрым!

Т. КОПЫТОВА,
гл. редактор газеты «Знамянка»

-Конечно, в журналистику не случайно попадаешь и не случайно там остаешься. В сегодняшнем номере газеты «Наше село», где я сейчас работаю, начата публикация моих «Мемуаров журналиста». Рассказывается там о моих первых днях работы в редакции. Это был 1957 год, когда я все же решил из агрономов «переквалифицироваться» в журналисты. Подтолкнуло к тому серьезное увлечение поэзией: каждую свободную минуту посвящал шифровке стихов, к тому же знакомый поэт Э. Иодковский в письме советовал: «Переходи на газетную работу - она ближе к поэзии, чем твоя агрономия». К тому же, удовлетворения от работы агрономом я большого не получал - маловато было конкретных дел.

В районной газете Тальменки оказалось вакантное место литературного сотрудника, куда я и был принят. По наивности я полагал, что это имеет какое-то отношение к литературе. Я долго пребывал в этом добровольном заблуждении, и лишь позже мне открылось, что литсотрудник - это человек, занимающий в газетной иерархии первую ступеньку.

Поэзия и журналистика на практике оказались вещами совершенно разными, и в первый год стихи мне даже мешали в новой работе. Учился писать по рукописям своего предшественника, которые, перечитанные на много раз, в изобилии хранились в шкафу в кабинете редакции. Поразил меня тогда слог журналиста Петра Войтенко: оставшись без рук, он продолжал читать, учиться, даже приспособился печатать на машинке. Материалы у него были небольшие по объему, и - ни одного лишнего слова, емкие,

Имя Дмитрия Петровича Гоосена известно многим поколениям читателей нашего города. Его журналистский стаж уже перевалил за сорок лет. «Сейчас я уже себя вообще не мыслю вне этой профессии. Как артисты умирают на сцене, так и журналисты - верны выбранному пути до конца», - говорит о себе Дмитрий Петрович.

какие-то концентрированные. У него я тоже многому научился. И, может быть, сказывается мое увлечение литературным творчеством, но до сих пор одной из самых притягательных сторон работы в газете для меня остается работа со словом.

В прежние годы, конечно, приносило удовлетворение сознание того, что ты помогаешь восстановить справедливость, решить какой-то вопрос. За словом следом шло дело. Сейчас же написать критический материал стало практически невозможно: затаскают по судам. Борются не со злом или

непорядком, а с журналистами. И потому материалы становятся все более пресными...

И, может быть, поэтому того, что называется «обратной связью», становится маловато. Я когда работал заведующим отделом писем в редакции газеты «Знамя Ильича», буквально тонув в письмах, некогда было свои материалы писать. Сейчас отклик - это редкость. Отзвук, эха хорошего нет. А Твардовский как-то писал о том, что тот читатель, от кого ты действительно ждешь отклика, никогда не напишет. Тако оно и есть, а жаль.

Виктория Кудина - самый молодой сотрудник нашей редакции. В 2000 году она с красным дипломом закончила отделение журналистики Кемеровского государственного университета и пришла работать в «Знамянку». Из всех выпускников за 10 лет существования отделения журналистики только четверо сегодня работают в городских и районных газетах. Вика - одна из них. За два с половиной года работы дважды становилась призером областных конкурсов журналистского мастерства.

-Если бы мне месяца за четыре до того, как я стала студенткой, сказали, что я выберу журналистику своей профессией, я бы очень удивилась. А получилось все просто. До последнего я не знала, куда поступать. 1 марта сижу в библиотеке, листаю справочник для поступающих, раздумываю, что бы выбрать. В читальном зале библиотеки работает телевизор, и тут на экране - сообщение о смерти Влада Листьева, его портрет в траурной рамке. И мне его так жалко стало, я проплакала полдня. А в том справочнике была информация о недавно открывшемся отделении журналистики. Вот и решила - пойду-ка я туда. Мама у меня, как узнала, воспротивилась: «Убивают же всех...» «Ну что ж теперь», - ответила я маме и начала целенаправленно готовиться.

Когда поступала, было дело - еще металась между филфаком и отделением журналистики, но потом (и до сих пор!) ни разу не пожалела о своем выборе. Когда училась, группа у

нас была маленькая, и мы очень отличались от общего потока филфака. И сегодня мои однокурсники все на виду - я вижу их на НТВ, на Кузбасском телевидении, читаю их материалы в газетах. Я вижу их рост, слежу за их судьбами - нам практически невозможно потерять друг друга.

Это самое состояние, когда ты всегда на виду, не только греет душу, но и ко многому обязывает. Утром, когда совсем-совсем не хочется просыпаться и вставать, я себя убеждаю: «Мне бы дойти только до работы, там люди, люди, люди потоком пойдут. Они уже проснулись, бодр и энергичны, и они щедро поделаются своей энергией со мной». Но когда я напиталась этой энергией и села писать, я просто чувствую - я должна отдать эту энергию дальше. И когда напишешь материал, с одной стороны, чувствуешь какое-то опустошение, с другой - облегчение, что избавился от того, что зрело в тебе. Это чувство сродни тому, что я испытывала после кон-

цертов, когда училась в музыкальной школе: долго готовишься, готовишься - потом отыграл, и как-то пусто внутри. То же самое и с газетными материалами.

Наши преподаватели часто нам говорили: получите диплом, спрячьте под подушку и быстрее выходите замуж. Все это потому, что журналистика - не женская профессия. Ей надо отдавать себя целиком и полностью. Если человек другой профессии, отработав восемь часов, придя домой, переключается на домашние дела и слезу за их судьбами - нам практически невозможно потерять друг друга. Это самое состояние, когда ты всегда на виду, не только греет душу, но и ко многому обязывает. Утром, когда совсем-совсем не хочется просыпаться и вставать, я себя убеждаю: «Мне бы дойти только до работы, там люди, люди, люди потоком пойдут. Они уже проснулись, бодр и энергичны, и они щедро поделаются своей энергией со мной». Но когда я напиталась этой энергией и села писать, я просто чувствую - я должна отдать эту энергию дальше. И когда напишешь материал, с одной стороны, чувствуешь какое-то опустошение, с другой - облегчение, что избавился от того, что зрело в тебе. Это чувство сродни тому, что я испытывала после кон-

тебя узнают, все с тобой здороваются, обсуждают с тобой то, что ты написал. Это значит, что мое мнение разделяют и другие люди, значит, что твои мысли близки и понятны другим людям, твоя работа небезразлична другим. На любом другом производстве похвалу люди слышат больше от начальника, у нас же главный судья - читатель, и свою оценку он выставляет нашей работе сразу, как прочтет материал. Хотя в такой «обратной связи» и казусы встречаются нередко: например, высказываются претензии, что «мало похвалили».

Все трудности оказываются по силам, когда понимаешь свое предназначение: не только первому узнать о событии, но и рассказать о нем другим. Я когда ухожу в отпуск, прямо-таки какую-то ущербность чувствую: получается, что сейчас не я рассказываю, а мне рассказывают. Есть какая-то постоянная потребность поделиться своими мыслями. Даже если ты не делаешь это специально, по материалам всегда видно, о чем думает журналист, что читает, что для него в данный момент особенно важно. И в свете этого главные плюсы нашей профессии - то, что ты постоянно на виду, среди людей - становишься и ее минусом. Так что вопрос только в том, как к ним относиться.